

УДК 91 (с 146): 9 (с) 13-7

НАЦИОНАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Гафаров А.А., Галеева М.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия (420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18), e-mail: public.mail@ksu.ru

---

В статье рассматриваются процессы зарождения идеологии татарского национального движения. Авторами высказывается концепция, что элементы национальной идеологии складывались в русле и на основе татарского просветительства, которое способствовало формированию социокультурных предпосылок для развития национального самосознания татарского народа. Анализ произведений выдающихся татарских просветителей второй половины XIX века (Ш. Марджани, Х. Файзханов, Г. Файзханов, К. Насыри, И. Гаспринский и др.) обнаруживает существенную политизацию татарской просветительской литературы (исторические исследования, просветительские проекты, публицистика и др.), а также наличие в них идеологических концептов национально-освободительного толка (исламизм, тюркизм, татаризм). Важную роль в распространении данных идеологических течений сыграла газета «Тарджеман», издаваемая И. Гаспринским. Татарское просветительство этого периода стало общественно-политической, интеллектуальной основой становления и развития национальной идеологии.

Ключевые слова: татарское просветительство, общественно-политическая мысль, национальное самосознание, национально-освободительная идеология, идеологические течения.

NATIONAL-IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE TATAR ENLIGHTENMENT THOUGHT (THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

Gafarov A.A., Galeeva M.A.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlin street, 18), e-mail: public.mail@ksu.ru

---

In this article, processes of formation of ideology of the Tatar national movement are considered. Authors stated the concept that elements of national ideology developed in the course and on the basis of the Tatar enlightenment which promoted formation of sociocultural preconditions for development of national consciousness of the Tatar people. The analysis of works of outstanding Tatar educators of the second half of the XIX century (Sh. Mardzhanı, H. Fayzıxanov, G. Fayzıxanov, K. Nasyri, I. Gasprinsky, etc.), finds essential politicization of the Tatar educational literature (historical researches, educational projects, journalism, etc.) and also existence in them ideological concepts of national-liberation sense (islamism, turkizm, tatarizm). The important role in distribution of these ideological currents was played by the “Tardzheman” newspaper issued by I. Gasprinsky. The Tatar enlightenment of this period became a political, intellectual basis of formation and development of national ideology.

Keywords: Tatar enlightenment, social political thought, national self-consciousness, national-liberation ideology, ideological conceptions.

Введение

Модернизация традиционного уклада, охватившая исламский мир в XIX в., была продиктована значительным отставанием народов мусульманского Востока от основных тенденций мирового развития. Активная европейская экспансия привела к преодолению традиционного изоляционизма и вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических, экономических и культурных связей. Наиболее ранней колониальной аккультурации подверглись народы Российской империи, где интенсивность социокультурных взаимодействий и масштаб этнодемографических изменений были выше,

чем где-либо. Поволжские татары раньше других были вынуждены искать пути социокультурной адаптации, выразившиеся в активной ассимиляции достижений европейской цивилизации. Татарское просветительство также явилось в значительной степени результатом подобной ассимиляции. Однако ограниченность просветительских проектов для национальных лидеров уже во второй половине XIX в. была вполне очевидна. В эти годы в просветительской литературе исподволь (в опосредствованной форме) начинает пробивать дорогу мысль о невозможности изменить положение мусульман, как и других народов России, без коренных общественно-политических преобразований.

Ш. Марджани, обозначая доминирующий дискурс времени, писал: «Когда-то у мусульман были государства, и они обладали могуществом. Ремесло и производство, искусство, знание и просвещение, свобода и справедливость, совершенство и счастье, богатство и торговля были на очень высоком уровне, их влияние распространялось и на востоке, и на западе, их слова были уместны и воспринимались очень серьёзно даже противниками. Однако сегодня ситуация прямо противоположна всему этому, мусульмане глупы и слабы, они нищие, они низко пали... Виновны в этом они сами, а никто иной: они лишены профессий, ремесла, промышленности, философии борьбы за существование и общественной жизни» [10, с. 118].

Поиск «философии борьбы» пронизывает труды татарских просветителей второй половины XIX века (Ш. Марджани, Х. Файзханова, К. Насыри, И. Гаспринского и др.). Знаменитая фраза Марджани «Кто ты, если ты не татарин?» до сегодняшнего дня в исторической литературе подаётся в вырванном из контекста виде. Он не просто воззвал к национальному самосознанию, но сделал это в политически заостренной форме. «Некоторые из них ("наших соплеменников" – А.Г., М.Г.) настолько невежественны, что называют себя ногайцами, а когда русские называют их татарами, то они, обижаясь, говорят: "Мы не татары, а мусульмане". Эти люди даже испытывают к этому гордому этнониму "татары" отвращение. Бедняги, как же вы не понимаете, что эти люди ненавидят нас, мы для них враги, и если бы у нас не было бы другого названия, то они обязательно с отвращением называли бы нас мусульманами. Такое же у них (колонизаторов – А.Г., М.Г.) отношение и к арабам, и к китайцам, и к французам, и к пруссам, и к немцам и т.д. Кто же ты, если ты не татарин?» [3, с. 6].

Взывая к пробуждению национального самосознания, Ш. Марджани, как историк, прежде всего обращается к изучению прошлого. Ш. Марджани и Х. Файзханов с сожалением констатируют, «что в последние века наши мусульманские ученые не уделяли должного внимания исторической науке» [9, с. 101], в результате «события прошлого, история правления ханов – все это для нашего народа до сих пор покрыто мраком неизвестности» [9,

с. 58]. Повествуя о великом прошлом, Марджани с болью пишет: «Большинство народа даже смеет считать, что мы вот так, испокон веков, влачили жалкое существование под пятой Русского государства» [4, с. 3]. Просветители призвали татарских историков, писателей воссоздать великую, но утраченную историю. Выступая внешне под лозунгами просвещения, они вполне осознанно закладывали основы национальной идеологии.

В своём стремлении отразить «великое прошлое» татарские историки и публицисты обратились не только к временам Волжской Булгарии и Казанского ханства (как это сделали Ш. Марджани, Х. Файзханов, Р. Фахретдин и Г. Баттал), но и выступили с претензией на Монгольское и Ордынское наследие. В «новой» исторической литературе (Х. Атласи, Х-Г. Габаши, А-З. Валиди, Дж. Валиди, Г. Губайдуллин и др.) империя Чингисхана, Золотая Орда становятся символом национальной гордости былого могущества. Наряду с монгольскими, золотоордынскими, казанскими, касимовскими ханами здесь фигурируют исторические портреты правителей среднеазиатских государств и Османской империи. Как видим, тюрко-татарские историки, публицисты и литераторы последовательно отстаивали концепцию единства и целостности тюрко-татарской истории. Подспудно, таким образом, прослеживается и очевидная мысль, что народ, имеющий великое прошлое, не может и не должен прозябать в настоящем.

Катастрофические последствия падения Казанского ханства для татарских историков – очевидны («начало конца всего татарского мира»). Даже «русифил» К. Насыри высказался по этому поводу однозначно: «После завоевания Казанского ханства русскими жить... стало тяжело. Приходилось отдавать подводы, лошадей, терпеть насилие и грабежи» [6, с. 43]. «Пытки, которыми в 1600 годы принуждали мусульман принять христианство, были жестокими: запирали зимой в студёную клеть, бросали нагишом в холодную муку. Многие их не выдерживали и погибали» [6, с. 67]. В целом «после завоевания Казани русскими, – отмечает Х. Фаизханов, – наш народ на один-два века находился в подавленном, угнетённом состоянии» [9, с. 32]. (Вместе с тем он тут же не без гордости констатирует, что хотя «мы живём в подчинении русских – христианского народа, однако мы не изменили нашего образа жизни, ни обычаев и традиций, ни языка» [9, с. 32].)

Естественная идеологизация национальной истории привела к смещению представлений об исторических истоках и критериях национального единства. Несмотря на борьбу изначальных теоретических установок, именно исторические истоки и религия, по мнению национальных идеологов, образуют единство татар. Выступив «предтечей» «татаризма», Марджани вместе с тем вплетает эту идейную установку в общетюркское, общемусульманское концептуальное русло. (Идея «татаризма» в конце XIX – начале XX вв. в целом не противоречила ни концептам тюркско-мусульманского единства, ни идее «великого

прошлого».) В результате в данный период в татарской научной литературе прочно утверждается концепция мусульманской тюркско-татарской идентичности. Как бы подводя итог несостоявшейся XIX в. дискуссии, Г. Фаизханов писал: «Сегодня все мусульмане, проживающие на территории Казани, Нижнего Новгорода, Рязани, Тамбова, Пензы, Симбирска, Самары, Саратова, Астрахани, Оренбурга, Уфы, Перми, Вятки, и все правоверные, живущие в Крыму, Казахстане, Сибири, а также местное население Самарканда, Хивы, Коканда, Ташкента, Туркестана и половина мусульман Кавказа – все эти перечисленные народы одной крови и одного племени, дети одного тюркского предка» [8, с. 13]. Данная установка, так или иначе пронизывающая всю национально-историческую литературу конца XIX – начала XX вв., стала теоретическим обоснованием нарождающейся идеологии «тюркизма». И в более поздний период (в первой четверти XX в.) интерес к данной проблеме (во многом подогретый идеологической борьбой), не ослабевает. Г. Губайдуллин в работе «Без төрекме, татармы?» («Тюрки мы или татары?», 1918), исходя из идей «тюркизма», попытается доказать, что этноним «татары» в отношении поволжских тюрков – недоразумение. Соответственно, он поддерживает самоназвание «тюрк», ведущее к самым глубоким пластам общетюркской древней истории.

Интерес к великому прошлому в тюрко-мусульманской среде не ограничивался лишь обществом поволжских или крымских татар. Например, сообщая, что в казахском Приложении к «Акмолинским областным ведомостям» начали печатать «сочинение заклятого врага России Вамбери» «Историю Тюрков», Ильминский Н.И. с нескрываемым раздражением писал: «Эта История... для киргизов (имеются в виду казахи – А.Г., М.Г.), поучившихся в гимназиях и кадетских корпусах, даже университетах, она может послужить источником исторических мечтаний о Чингизах и Тамерланах, как о прямых своих предках, которым рабствовала Россия. Подобные статьи для киргизов и подобных племён совсем неуместны и положительно вредны» [7, с. 322].

Очевидно, для мусульман николаевской России Турция была реальным ориентиром европеизации мусульманского мира. Махмуду II (1808–1839) в 20–30-х гг. XIX века удалось провести ряд прогрессивных реформ, в том числе создать регулярную армию, уничтожить военно-ленную систему, реорганизовать структуру центральных и местных органов власти и т.д. В годы его правления были открыты: Общевойсковое военное училище (за образец для него был взят французский колледж Сан-Сир), военно-медицинское училище, хирургическая школа (впоследствии объединённые в Султанское высшее медицинское училище), Школа юридического просвещения, Школа литературных наук (для подготовки переводчиков) и др. И хотя в проекте реформы мусульманской школы («Ислах мадарис» («Реформа медресе»)) Х. Фаизханов предлагал ориентироваться на пример школ как России, так и Турции, всё же

вдохновляющим образцом модернизации для мусульманских реформаторов были, прежде всего, учебные заведения Стамбула.

Вместе с тем, ратуя за преподавание русского языка в татарских медресе, Х. Фаизханов, исходил из просветительской целесообразности. При этом он обращает внимание на куда более прагматичные мотивы. «Мы, мусульмане-татары, будучи народом, живущим под властью русского государства, просто вынуждены знать русский язык. Простой народ, проживающий в деревнях, должен знать русский, чтобы понимать все запреты и предписания местных властей, чтобы добиваться справедливости в судах. Также понимать и пользоваться теми новшествами (реформ Александра II – А.Г., М.Г.), которые вводятся государством для облегчения жизни народа... Купцы должны знать русский, и если они понимают, то могут читать газеты, быть в курсе торговых дел, контролировать их. Они также могут в полной мере пользоваться решениями государства, облегчающими их деятельность... Имамам также необходимо знать русский, ведь документация Духовного собрания ведётся по-русски... Если муллы будут владеть русским языком, то, зная наши цели и задачи, они смогут (в земствах – А.Г., М.Г.) защищать их» [9, с. 46-47].

Осознавая недостаточность подобной аргументации, Марджани в работе «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» («Подробное о предшественниках и приветствие потомкам») не просто повторяет доводы своего ученика, но заостряет политическую составляющую проблемы, обозначая грань уступок и компромиссов. По поводу преподавания русского языка он, обращаясь к традиционалистски настроенной части мусульманского общества, поясняет: «Хусаин б. Файзханов объяснил..., что это всего лишь средство получить разрешение от правительства, цель – же возрождение утраченных и позабытых наук» [5, с. 92]. «Осуществление подобного (создание нового медресе – А.Г., М.Г.) возможно лишь при согласии и содействии российского государства. Для того чтобы получить такое согласие и добиться положительного отношения русских к изучению необходимых нашему народу предметов, необходимо ввести хотя бы для определённой части учащихся медресе изучение русского языка и письменности. Ведь наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке, и для того чтобы избежать неприятностей от действующих законов, которые все составлены на этом языке, его нужно знать. Ведь даже пословица гласит: "Тот, кто изучил язык другого народа, обезопасил себя от его коварства..." Известно, что государство намерено открыть школы подобного образца. Если это произойдёт, мы ничего не сможем сделать. Их управление будет вестись таким образом, что не принесёт пользы мусульманам, не будет способствовать возрождению их наук, сохранению их чести и возвращению былого расцвета... Различные проповедники-епископы и монахи всеми силами стремятся заронить сомнения в души простонародья и сбить их с

верного пути. Для этого назначены определенные люди, и государство оказывает им помощь. Но опасность, исходящая от них, во много раз больше той, которой ждали от сторонников нововведений... Защита мусульманской веры от нападков неверных и предупреждение мусульман об опасности позволительны и обязательны. Но это можно сделать, только зная язык неверных и читая их книги» [5, с. 90-93].

В 1883 г. И. Гаспринскому удалось добиться разрешения на издание газеты «Тарджеман» («Переводчик», 1883-1918), ставшей общероссийским рупором тюркского модернизма (джадидизма), трибуной пропаганды идей просвещения, либерализма и национального освобождения. Активная издательская деятельность джадидов (периодическая печать и книгоиздательства) способствовали распространению научных знаний, развитию общественно-политической мысли и национального самосознания. «Газета побуждала иных к совершенствованию своих знаний, иных к общественной работе, а иных к литературной, иных к педагогической деятельности, и не прошло десятка лет, как Гаспринский нашёл себе сотни сторонников, которые развивали и распространяли идеи великого учителя» [1, с. 52-53].

Сильное впечатление на российскую общественность оказала победа Турции (в союзе с Англией и Францией) в Крымской войне (1853-1856), успехи реформ Танзимата, а также принятие конституции 1876 г. и т.д. Объективно конституционный успех Турции подталкивал Россию в аналогичном направлении. По мнению Г. Исхаки, «вступление Турции на путь европеизации в эпоху султана Абдул-Азиза (1861-1876 – А.Г., М.Г.) оказывает известное влияние и на новаторов тюрко-татар, культурное сближение которых с либерально настроенным турецким обществом в это время было довольно сильное. В борьбе против старого традиционного быта новаторы тюрко-татары черпали моральную силу в происходящих реформах Турции» [2, с. 39].

Разделяя в целом идеи турецких конституционалистов, И. Гаспринский вносит в общеисламскую доктрину общетюркские национальные мотивы. «Им были выработан особый стиль турецкого языка, ...при помощи которого Гаспринский мечтал объединить весь тюркский мир. Его вера в осуществление этой мечты была непоколебима. Вера эта поддерживалась и тем фактом, что его газета свободно читалась (людьми, владевшими арабо-турецким литературным языком – А.Г., М.Г.) как в Крыму, так и в Константинополе, в Ташкенте, в Баку и в Казани» [1, с. 53]. Весьма показательны, что среди подписчиков газеты были многие видные турецкие общественные деятели и представители культуры, в частности философ и социолог Зия Гёкалп, который по праву считается «отцом-основателем» тюркизма.

«Татарская газета "Переводчик" за 8 лет своего существования, – отмечал в 1889 г. идеологический оппонент Гаспринского Ильминский Н.И., – по мнению людей компетентных, вполне обнаружила своё искусство, направление и тенденцию – соединить миллионы мусульман русских подданных, разделённых временем и племенем, – соединить под знаменем мусульманства рационального и усовершенствованного европейской цивилизацией, пропущенной сквозь турецкую, Константинопольскую призму.... Люди внимательные и следящие находят в ней (газете – А.Г., М.Г.) тонкую, последовательно и настойчиво проводимую мысль, неблагоприятную для православного русского государства и общества. Стоит обратить внимание на её сношения и солидарность с киргизским (имеется в виду казахским – А.Г., М.Г.) особым "Прибавлением". Представьте же себе цепь, связывающую Бахчисарай с Омском и замыкающую всё огромное пространство, населённое разноплеменными мусульманами» [7, с. 321-322].

В конце 70-х – начале 80-х годов либеральное, антиколониальное движение в странах мусульманского Востока потерпело поражение. В Турции в 1878 г. был распущен парламент, на 30 лет утвердился деспотичный режим Абд ал-Хамида II (1876-1909). В Египте в 1882 г. англичане подавили восстание Ораби-паши. Лидерам либерально-реформаторского движения, Д. аль-Афгани и М. Абдо пришлось временно покинуть пределы мусульманского мира и выехать в Европу. В этих сложных условиях наряду с парижским еженедельником Афгани и Абдо «ал-Урва ал-Вуска» («Наикрепчайшая связь») духовную связь среди мусульман осуществлял российский «Тарджеман» под редакцией И. Гаспринского. «Его газета издавалась 1-2 раза в неделю в небольшом формате и в небольшом количестве экземпляров, но действие, производимое этим маленьким листком, – как отмечал Д. Валидов, – было в тысячу раз важнее русского «Нового времени» или какого-нибудь английского гиганта, вроде «Таймс» [1, с. 52]. К 1912 г. «Тарджеман» имел пять тысяч подписчиков в России, Египте, Турции, Иране, Индии и других странах. Идеи исламизма и тюркизма, провозглашенные со страниц «Тарджемана», вскоре станут весьма популярными, найдя большое число сторонников в среде мусульманской интеллигенции.

Обзор татарской просветительской печати второй половины XIX века «обнаруживает» под культурнической оболочкой сугубо научных трудов мусульманских модернистов (Ш. Марджани, Х. Файзханова, Г. Файзханова, К. Насыри, И. Гаспринского и др.) контуры идеологем усиливающегося национального самосознания (османизм, исламизм, тюркизм, татаризм). Данные процессы становления национальной идеологии татарского народа отразили общие тенденции освободительного движения «пробудившегося» мусульманского Востока.

Список литературы

1. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы у татар (до революции 1917 г.). – М.-П. : Гос. изд-во, 1923. – 107 с.
2. Исхаки Г.Г. Идель-Урал. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1991. – 64 с.
3. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар).– Казань : Фэн, 2005. – Ч. I. – 255 с.
4. Марджани Ш. О делах, происходивших в ханские времена // Ветры Великих Булгар. Легенды, предания, биты и исторические материалы. – Библиотека журнала «Казань». – № 11–12. – Казань, 1993. – С. 3.
5. Марджани, Шихаб ад-дин. Ваият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). – Казань : Иман, 1999. – 125 с.
6. Насыри К. Избранные произведения. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1977. – 256 с.
7. Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. – Казань : Издание Редакции Православного Собеседника, 1895. – 414 с.
8. Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей) / пер. с тат. И.Ф. Гимадеев ; вступ. сл. Г.С. Закиров. – Н. Новгород : Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – 61 с.
9. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А.М. Ахунова и И.Ф. Гимадеева ; сост. и отв. редактор Д.В. Мухетдинов. – Н. Новгород : Медина, 2008. – С. 56-69.
10. Фахретдин Р. Хусаин Фаизханов (отрывок из библиографического труда «Асар») // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А.М. Ахунова и И.Ф. Гимадеева ; сост. и отв. редактор Д.В. Мухетдинов. – Н. Новгород : Медина, 2008. – С. 116-121.

Рецензенты

Набиев Ринат Ахметгалиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Исхакова Резеда Рифовна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы, педагогики и психологии факультета социотехнических систем Казанского национального исследовательского технологического университета, г. Казань.